

Симфонии мрачного десятилетия

Имени Валерия Гергиева сопутствует множество мифов. Нынче уже мало кто осмелится открыто заявить, будто он-де – “дутая” величина. Теперь, желая принизить Гергиева-дирижера, говорят, к примеру, что он прежде всего – гениальный менеджер. Что, кстати, если отбросить слова “прежде всего,” истинная правда. Сегодня, впрочем, более популярен другой миф, который гласит: Гергиев – это прежде всего сверхэнергетика. Что тоже правда, опять-таки за исключением пресловутого “прежде всего,” которым как бы противопоставляют это неотъемлемое свойство его индивидуальности глубине и продуманности интерпретаций, которых у Гергиева якобы и быть не может. Что ж, маэстро и впрямь дает нередко основания для подобных утверждений, вынося на публику недозрелые, незавершенные, иногда даже только еще начатые работы. Однако те, кто следит за ним постоянно, легко приведут примеры противоположного характера. И все же выдающимся интерпретатором Гергиева называют не столь уж часто.

Но вот перед нами альбом с записью шести симфоний Шостаковича – с Четвертой по Девятую. Слушая их, одну за другой, еще и еще, а потом снова, подряд и по отдельности, приходишь к неизбежному выводу: за некоторыми исключениями, речь должно вести не об энергетике и не о

гениальной импровизации, но именно о глубокой, выверенной во всех деталях интерпретации, возможно, об одном из самых значительных прочтений симфоний последнего из великих симфонистов.

Альбом назван “Военные симфонии,” что выглядит очевидной натяжкой. Статья в буклете предлагает более точную формулировку: “симфонии мрачного десятилетия” (хотя разве следующее десятилетие, включавшее в себя борьбу с “формалистами” и еще много всего, уже не было мрачным?). И Гергиев в полной мере дает нам почувствовать ледяное, мертвящее дыхание этого десятилетия. Иногда даже не просто почувствовать, но и понять, что именно хотел сказать автор.

Например, в Пятой симфонии. В

интерпретации Гергиева она представляет потрясающим человеческим документом великого композитора, на которого как раз незадолго до ее создания обрушилась травля, открывая печально известными статьями “Сумбур вместо музыки” и “Балетная фальшь.” Слушая гергиевскую запись, ощущаешь всеми фибрами, как надвигается эта бездушная машина, как разворачивается гротескная вакханалия массового осуждения “антинародной музыки.” Финал (который у многих дирижеров звучал невнятно) трактован как внутренняя борьба композитора, убеждающего себя принять все происходящее как неизбежное и даже благо. Однако подлинное отношение к подмигнутому его катку партийно-государственной машины с ее античеловеческой сущностью уже выражено с предельной ясностью. Гергиев подчеркивает механистический характер музыки, изображающей это надвигающееся стозовное чудовище, ее родство со знаменитой “темой нашествия” из Седьмой симфонии. Только в Пятой все гораздо страшнее: там зло приходит извне, воспринимаясь как нечто чужеродное, а здесь оно – повсюду и может даже принимать обличье хорошо знакомых людей. Чужого “дракона” победить все-таки легче...

В отличие от Пятой Седьмую симфонию у нас играют чаще всего к соответствующим датам, как бы пре-

вращая ее в элемент официоза. Гергиев тоже не раз исполнял ее в майские дни, однако никакой декларативной помпезности оттого не возникло. Среди тех симфоний Шостаковича, что приходилось слышать у него “живьем,” эта, безусловно, принадлежит к наивысшим достижениям маэстро. Самая длинная из отечественных симфоний (почти восемьдесят минут) исполняется им на одном дыхании, отнюдь не вызывая ощущения длиннот. Медленные, казалось бы, бесконечно тянущиеся периоды самоуглубленной музыки заставляют с напряженным вниманием вслушиваться в каждый звучащий миг. И завершается эта великая симфония у Гергиева не апофеозом, как бывает у иных дирижеров, но неразрешимым вопросом: что же дальше? Все это в полной мере относится и к данной записи, которую в отличие от остальных представленных в альбоме маэстро сделал не с Мариинским, но с Роттердамским филармоническим оркестром (справедливости ради надо заметить, что Мариинский оркестр играет ее, мягко говоря, не хуже).

Совершенными можно назвать и интерпретации двух сравнительно небольших симфоний – Шестой и Девятой. А вот про Четвертую и Восьмую, несмотря на ряд чрезвычайно выразительных фрагментов, этого не скажешь. Главным образом, с точ-

ки зрения формы, которая в отдельных частях ощутимо “провисает.” В Четвертой симфонии, кроме того, недостает контрастности. Трагическая беспросветность оказывается здесь у Гергиева не только доминирующим, но и единственным настроением на весь час музыки. Что касается Восьмой, то в отличие от остальных записей, осуществленных уже в третьем тысячелетии, она записывалась еще в 1994 году. Для Гергиева это был период “Sturm und Drang’a,” и явные следы “штурмовщины” проталкивают и в записи Восьмой симфонии. Здесь присутствуют и излишний нажим, и энергетическая чрезмерность, и “крупный помол” – качества, столь характерные для Гергиева тех лет, порой напоминающие о себе и сегодня. Маэстро тогда еще не слишком различал живое исполнение и запись. Однако то, что нередко спало на недостаток подготовленных концертов, в записи подчас поворачивается оборотной стороной, раздражая избыточными децибелами. Впрочем, потрясающее сделанные в обеих симфониях финалы с их иставивающими звучностями отчасти примирают с недостатками интерпретации. Гергиев давно постиг секрет спасать хромающее целое гениально поставленной точкой.

Кстати, примерно те же ощущения оставляли и “живые” исполнения двух этих симфоний на первом и вто-

ром Пасхальных фестивалях. И то обстоятельство, что в альбоме зафиксированы не только доведенные до совершенства интерпретации, но и находящиеся, так сказать, в “процессе,” никоим образом не снижает его ценности, если рассматривать данный альбом не просто как еще одну запись симфоний Шостаковича, но и как портрет самого Гергиева. Перенасыщенный сверх всякой меры график выступлений и, пожалуй еще больше, организационная текучка, не отпускающая маэстро даже на подходах к подиуму, нечасто дают ему возможность предстать мудрым, тонким и глубоким интерпретатором. Записи – один из таких редких случаев. Здесь он, как правило, более сосредоточен, понимая, что не очень удачный концерт скоро забудут, а вот запись – это надолго. И если у кого-то еще “возникают сомнения относительно того, заслуженно ли занимает Валерий Гергиев одно из самых видных мест на музыкальном Олимпе конца XX – начала XXI века, чтобы развеять их, достаточно послушать этот альбом.

Дмитрий МОРОЗОВ

Дмитрий Шостакович. Симфонии 4 – 9. Валерий Гергиев. Оркестр Мариинского театра. Роттердамский филармонический оркестр. Philips. 470 841-2. Дистрибьютер в России – Universal Music Russia.